

Харуки Мураками

Молчание

Мураками Харуки

Молчание

Харуки Мураками

МОЛЧАНИЕ

Перевод Андрея Замилова

– Господин Одзава, вам когда-нибудь приходилось в драке ударить человека?

Он посмотрел на меня, прищурив глаза, словно увидел перед собой нечто ослепительное:

– Почему вас это интересует?

Не свойственный ему взгляд излучал живые искорки, но спустя мгновение они пропали, и лицо приняло обычное невозмутимое выражение.

– Да так, просто, – ответил я. Вопрос действительно не имел никакого смысла. И задал я его – видимо, зря – из праздного любопытства. Тему разговора я сразу же сменил, но Одзава на это не поддался. Было видно, что он все время о чем-то думал. Казалось, он то ли растерян, то ли чему-то сопротивляется. Мне оставалось лишь бессмысленно рассматривать вереницу серебристых самолетов за окном.

Поводом к вопросу послужил его же рассказ о боксе, заниматься которым Одзава начал с седьмого класса. Мы болтали о пустяках, убивая время пе-

ред посадкой, и беседа завязалась как бы сама собой. Тридцать один год. Он по-прежнему раз в неделю тренируется в спортзале. Неизменный победитель студенческих турниров – бывало, его даже включали в национальную команду. Я слушал Одзаву, и меня охватывала странная мысль: по своему характеру он несколько не похож на человека, отдавшего боксу почти двадцать лет жизни. А ведь мне не раз случалось работать с ним вместе. Что тут скажешь? Человек как человек: тихий, ненавязчивый. В работе честен и терпелив, с сослуживцами справедлив, при всей своей занятости не то что прикрикнет на окружающих – бровью не поведет. Мне ни разу не доводилось слышать, чтобы он на кого-то жаловался или о ком-то злословил. В общем, Одзава людей к себе располагал. Приятной наружности, нетороплив и спокоен... Я просто не мог себе представить, что привело этого человека в бокс, оттого и задал такой вопрос.

Мы пили кофе в ресторане аэровокзала, собираясь вместе лететь в Ниигату. На дворе – начало декабря. Небо затянуто тяжелыми тучами, будто его плотно закрыли крышкой. В Ниигате с утра свирепствовала пурга, и вылет самолета откладывался с часу на час. В аэровокзале было битком. Громкоговорители все время объявляли о задержке рейса, не позволяя отлучаться уставшим пассажирам. В ресторане топи-

ли нещадно, и мне приходилось постоянно вытирать платком пот.

– По большому счету, ни разу, – неожиданно начал Одзава после долгого молчания. – Занявшись боксом, я ни разу никого не ударил. Новичкам крепко-накрепко вбивается в головы: нельзя никого трогать за пределами ринга и без перчаток. Там, где обычный человек может дать сдачи, боксер обязан извиниться и отступить. Силу разрешается применять только к равным себе.

Я кивнул.

– Но если честно, один раз я все же ударил человека, – сказал он. Мне тогда было четырнадцать. Я только-только начал заниматься боксом. Не сочтите за оправдание, но тогда я еще даже не знал, в чем техника этого вида спорта, и некоторое время выполнял одни упражнения по общефизической подготовке: прыгал через скакалку, растягивался, бегал... И ударил, совсем не собираясь этого делать. Правда, в тот злополучный момент я был как заведенный, времени на раздумье не оставалось, и рука выскочила произвольно – как пружина. Когда пришел в себя, он уже лежал. А меня и после удара продолжало трясти от злости.

Одзава занялся боксом с подачи своего дяди, управлявшего спортивным залом. Причем, не ка-

ким-нибудь заурядным спортзалом в захолустном городке, а кузницей первоклассных чемпионов. Родители, беспокоясь, что сын вечно сидит у себя в комнате над книгами, предложили ему позаниматься для общего развития спортом. Одзава не собирался посвящать себя боксу, но по-человечески любил дядю и начал беззаботно тренироваться, решив, что бросит это занятие, как только надоест. Но за те несколько месяцев тренировок в дядином спортзале, куда ему приходилось целый час добираться на электричке, искусство бокса на удивление покорило его сердце. И прежде всего потому, что бокс, по своей сути, – спорт молчаливых. К тому же сугубо индивидуальный. То был совершенно невиданный и немыслимый мир, что без всякой видимой причины овладел им целиком. Запах пота, поскрипывание кожаных перчаток, молчаливое самозабвение людей, быстро и эффектно использующих силу своих мышц, – все это постепенно, но необратимо пленяло его сердце. Теперь уже поездки в спортзал по субботам и воскресеньям стали одним из его немногих увлечений.

– Что привлекло меня в боксе? Ощущение его глубины. Кажется, меня покорила именно эта глубина, по сравнению с которой совершенно не важно: бьешь ты, или тебя. Победа или поражение – лишь банальный результат. Бывает, люди побеждают, бывает, и

проигрывают. Но если постигнуть такую вот глубину, проигрыш уже не страшен. Ведь человек не может оставаться непобедимым, он рано или поздно непременно потерпит поражение. И очень важно понять эту самую глубину, в которой и заключается – по крайней мере, для меня – бокс. Иногда, стоя на ринге в перчатках, я ощущаю себя словно в глубоком колодце – таком глубоком, что не видно никого, даже меня самого. И там, на дне этого колодца я веду бой с тенью. Мне одиноко, но нисколько не печально. Говоря "одиночество", мы даже не подозреваем, что существуют разные виды одиночества. Бывает до горечи грустное, кромсающее нервы, но бывает и иное. И чтобы его достигнуть, нужно изо всех сил шлифовать свое тело. Без труда, как говорится, не вытащишь и рыбку из пруда. Это – одна из тех истин, что я постиг благодаря боксу.

Одзава с полминуты помолчал.

Я посмотрел на часы. Времени у нас хоть отбавляй.

– По правде, не хотелось беречь прошлое. Было бы в моих силах, забыл и больше не вспоминал бы никогда, – сказал он и, улыбнувшись, неспешно начал свой рассказ.

* * *

Одзава ударил своего одноклассника по фамилии Аоки. Одзава на дух не переносил этого человека. По-

чему – он и сам не знал. Это чувство просто возникло с самой первой их встречи, тут уж ничего не поделаешь. Причем возникло настолько откровенно впервые в его жизни.

– Как думаете, такое бывает? – спросил он. – Пожалуй, у каждого в жизни хотя бы раз нечто подобное происходит: начинаешь ненавидеть человека без какой бы на то причины. Я не считаю, что склонен к ненависти. И все же нашелся один такой и на мою долю. Беспочвенно. Вся беда в том, что противоположная сторона, как правило, испытывает те же чувства.

Аоки считался прилежным учеником почти по всем предметам. Мы учились в мужской школе, и он пользовался успехом. Для учеников был вожаком, для учителей – любимчиком. Несмотря на успехи в учебе, он не зазнавался, со многими дружил, был веселым. Даже порядочность в нем какая-то была... Но я с самого начала терпеть его не мог, я словно видел его насквозь: словно у него на лбу высвечивался какой-то интуитивный расчет. Я не могу ответить, что конкретно имею в виду, потому что не могу привести подходящего примера. Могу лишь сказать, что понял это. Я инстинктивно не переваривал душок эгоизма и гордыни, что исходил от него. Так не можешь выносить чей-то запах тела. Аоки был умным парнем и умело этот запах скрывал. Не ощущая его, многие одноклассни-

ки говорили: "А он – четкий малый!.." Естественно, я в ответ помалкивал, но после каждой такой фразы мне становилось как-то не по себе.

Аоки и я были совершенно противоположными личностями. Я считал себя молчуном и тихоней, потому что не любил выделяться на общем фоне и мог без особого труда переносить одиночество. Естественно, у меня было несколько приятелей, которых, пожалуй, можно назвать товарищами, но не более того. В каком-то смысле я был не по годам развитым подростком. Чем иметь дело со сверстниками, мне было намного интересней читать дома книги, слушать отцовские пластинки с классикой, общаться со старшими товарищами по секции. Как видите, и внешности я не привлекательной. Оценки в школе были не то чтобы плохие, но и не особо хорошие, и учителя часто забывали мое имя. Вот таким я был и при этом нисколько не пытался выпячивать себя. Никому не говорил о занятиях боксом, никому не рассказывал о прочитанных книгах, прослушанной музыке.

В сравнении со мной Аоки казался белым лебедем посреди болота. Не скрою, умная голова – это даже я не могу не признать – и соображал быстро. На лету схватывал, что интересует людей, о чем они думают, и умело подстраивал свое поведение под общение с ними. Тем и заставлял всех восхищаться: мол, Аоки –

классный парень! Но только не меня. Мне он казался мелкой душонкой. Иногда я размышлял: да и ладно, что я не такой умный. Допустим, у него все легко выходит – как саблей рубит. Зато у этого человека нет ничего своего. Ему нечего противопоставить людям. Ему достаточно лишь того, чтобы его признали окружающие. Этакое самоуспокоения от собственной находчивости. Он просто держит нос по ветру, но об этом никто не догадывается – за исключением разве что меня.

Думаю, Аоки понимал мое отношение – он был малым расчетливым. И, казалось, испытывал ко мне определенное отвращение. Я же не дурак; ничего особенного собой не представляю, но и не дурак. Не примите за хвастовство, но в те годы у меня был собственный мир. Пожалуй, никто в классе не читал больше меня. Я был молод, старался скрывать этот мир от окружающих, но, случалось, произвольно задираю нос и смотрел на одноклассников свысока. И, думаю, мое самомнение задевало Аоки.

Однажды я получил самый высокий в классе балл на контрольной по английскому. Со мной такое произошло впервые, но не случайно. В то время я очень хотел заполучить какую-то вещь – сейчас, правда, никак не вспомню, какую, – и мне пообещали ее купить, если результат хотя бы одной контрольной окажется

лучшим в классе. Остановив свой выбор на английском, я последовательно изучал язык, проверял все, что может попасться мне на контрольной, в любую свободную минуту повторял спряжения глаголов, до дыр перечитывал учебники – так, что помнил все наизусть. Поэтому я нисколько не удивился, получив самый высокий в классе балл, близкий к максимальным ста. Мне это показалось само собой разумеющимся.

Но для остальных моя оценка оказалась сенсацией. Даже для учителя. Аоки оказался, как минимум, в шоке: он привык быть лучшим по английскому. Учитель, возвращая мою работу, как-то подтрунил над Аоки. Тот покраснел. Он понимал, что стал посмешищем. Я не помню, что сказал учитель, но спустя время узнал, что с того дня или вскоре после Аоки начал распускать обо мне нехорошие сплетни. Например, что я пользуюсь шпаргалками. Другого объяснения моего успеха не находилось. Узнав об этом от товарищей, я не на шутку рассердился. Конечно, в такой ситуации следовало посмеяться над ним и тут же все позабыть. Но ведь я тогда был просто школьником и не мог сдерживать своих чувств. И вот в одну из перемен я завел Аоки в дальний угол школьного двора, чтобы выяснить, что все это значит. Аоки прикинулся дурачком: "Эй! Какого черта тебе надо? Нечего меня трогать!.. Получил по ошибке высший балл и радуется."

ся!" После этих слов он попытался меня оттолкнуть, чтобы пройти мимо. Явно наглел, пользуясь преимуществом в росте и силе. Тогда-то я его и ударил. Машинально. Когда пришел в себя, в его левую скулу уже шел прямой удар. Аоки повалился на бок и при этом ударился головой о дерево. Хлынувшая из носа кровь залила ему белую рубашку. Он рассеянно уставился на меня снизу. Пожалуй, настолько удивился, что не мог понять, что с ним вообще произошло.

Но уже в тот момент, когда кулак коснулся его скулы, я пожалел о случившемся. Меня как озарило: кулаками делу не поможешь. Тело все еще сотрясалось от злости, но я уже понимал, что совершил дурацкую выходку.

Я хотел было извиниться перед ним, но не смог. Был бы кто другой, я непременно сразу же попросил бы прощения – но не у Аоки. Я, конечно, раскаивался, что ударил его, но ни на йоту не считал, что поступил плохо. "И поделом, – подумал я. – Не парень – пресмыкающееся. Таких давить нужно". Но все же я не должен был его бить. Это – интуитивная истина. Однако... поздно: я уже ударил и, оставив Аоки сидеть на земле, ушел оттуда.

После обеда на занятиях Аоки не оказалось. По всей видимости, он сразу пошел домой. Меня не покидало паршивое настроение. За что ни брался, никак

не мог отвлечься: не радовали ни музыка, ни книги. Что-то сосало под ложечкой, не позволяя сосредоточиться. Такое чувство, будто случайно проглотил воющее насекомое. Тогда я лег на кровать и уставился на свой кулак. И понял, до чего же я одинок. Теперь я еще сильнее ненавидел человека по имени Аоки, который довел меня до такого состояния.

– Со следующего дня Аоки начал меня игнорировать – будто в классе и вовсе нет ученика по фамилии Одзава. И, как всегда, продолжать собирать на контрольных лучшие результаты. Я, наоборот, с тех пор палец о палец не ударил для подготовки к ним. Мне все это стало безразлично. Я продолжал учиться так, чтобы только не отставать. В остальное время занимался своими делами, разумеется, продолжал ходить в дядин спортзал. От упорных тренировок у меня раздались плечи, окрепла грудь, руки стали мощными, а щеки – упругими. Недурно для школьника. Я понимал, что взрослею. Какая прекрасная то была пора!.. Почти каждый вечер я, раздевшись по пояс, подолгу стоял перед большим зеркалом в умывальнике, наслаждаясь одним видом собственного тела.

В конце учебного года Аоки перевели в параллельный класс. У меня отлегло от сердца. Я так радовался, что теперь не нужно каждый день встречаться с ним в аудитории. И, предполагаю, он думал так же. Мне ка-

залось, что плохие воспоминания постепенно сотрутся из памяти. Как бы не так. Аоки затаился в предвкушении мести. Он был, что свойственно гордецам, личностью очень мстительной и не мог так просто забыть нанесенное однажды оскорбление. Затаился и выжидал подходящего момента, чтобы вцепиться мне в горло.

Мы поступили в одну и ту же старшую школу. Нужно заметить, то была частная школа для учеников и средних, и старших классов*. Правда, каждый год эти классы слегка перетасовывались, но Аоки постоянно оказывался в параллельном. И все же в выпускном мы опять оказались вместе. Встретившись с ним глазами в аудитории, я насторожился. Мне сразу же не понравилось выражение его лица. Вскоре у меня, как прежде, противно засосало под ложечкой. То было недоброе предчувствие.

* В Японии начальное образование рассчитано на шесть лет, поэтому первый класс средней школы соответствует седьмому классу российской школы.

Одзава умолк и некоторое время пристально смотрел на кофейную чашку перед собой. Затем поднял на меня взгляд и еле заметно улыбнулся. За окном раздался гул реактивного самолета: "боинг-737" вспорол облака и пропал из виду.

Одзава продолжал:

– Первая треть учебного года прошла, тут уж ничего не скажешь, спокойно. Аоки оставался верен себе. Совершенно не изменился с восьмого класса. Некоторые люди ведь если не идут вперед, то и не сдают позиции продолжают делать и поступать, как и прежде. Успехи Аоки были так же велики, сам он пользовался в классе неизменным успехом. Нечего и говорить в свои неполные семнадцать лет этот человек уже держал в руках клубок своей жизни. Может, по-прежнему так и живет. Как бы там ни было, мы старались не встречаться взглядами. Что говорить о моем настроении, пока в классе такой противник. Но делать было нечего. К тому же, я и сам не был безгрешен.

Вскоре наступили летние каникулы – последние у старшеклассников. Я неплохо закончил семестр. Если даже не заглядывать в заоблачные дали, с такими оценками вполне можно было поступать в любой нормальный институт. Поэтому я не тратил время на подготовительные консультации, а просто повторял пройденное и выполнял домашние задания. Хватит с меня! Родители тоже не докучали. По субботам и воскресеньям ходил в спортзал, а все остальное свободное время читал любимые книги и слушал музыку. Все менялось на глазах. Наша школа славилась, как "трамплин для поступления в ВУЗы". Учителя прямо с ума

сходилили, чтобы узнать, сколько человек в какие институты поступило, из какой школы и куда – больше всех? Ученики тоже не отставали, и весь последний год у них просто плавилась мозги. Атмосфера в классе накалилась. Если честно, мне это не нравилось с первого класса средней школы. И даже спустя шесть лет я все никак не мог привыкнуть к этой лихорадке. За все эти годы мне так и не удалось завести среди одноклассников ни одного близкого друга, которому я мог бы довериться. Товарищами можно было назвать только тех, с кем я тренировался в спортзале. Почти все они – старше меня, из них половина уже работали. И все же именно с ними мне было интересно. После тренировки мы шли куда-нибудь поболтать за кружкой пива. Все они, в отличие от моих одноклассников, были людьми совершенно иного склада. С ними мне было приятно проводить время, от них же я узнал много очень важных вещей. До сих пор жутко подумать, что стало бы со мной, не занимайся я все это время боксом в дядином спортзале.

Посреди летних каникул произошло событие: мой одноклассник по фамилии Мацумото покончил с собой. Совершенно непривлекательный ученик. Говоря точнее – безликий. Когда мне сообщили о его смерти, я с трудом вспомнил, как он выглядел. За все время, пока мы учились в одном классе, разговаривали не

больше двух-трех раз. К тому же, и на лицо не ахти какой. Вот и все, что я могу о нем вспомнить. Он умер за несколько дней до пятнадцатого августа, и похороны пришлось на годовщину окончания войны*. Я точно это помню. Стоял очень жаркий день. Мне позвонили домой: сообщили о его смерти и велели обязательно быть со всеми на панихиде. Присутствовал весь класс. Мацумото прыгнул под поезд в метро. Причины не знал никто. Нашли нечто похожее на предсмертную записку, в которой он сказал, что больше не хочет ходить в школу.

* Имеется в виду Тихоокеанская война 1937-1945 гг., завершившаяся 15 августа.

Почему не хочет ходить, не указывалось. Разумеется, все учителя были в шоке. После панихиды весь поток собрали в школе, и директор долго жевал прописные истины: мы скорбим о Мацумото... должны разделить тяжесть его смерти... переживая это горе, мы должны укреплять свой моральный дух...

Затем оставили один наш класс. Завуч и классный руководитель, стоя перед нами, говорили, что необходимо разобраться в причине смерти Мацумото. И если кто-нибудь что-нибудь знает, пусть честно обо всем расскажет... Все примолкли.

На меня вся эта шумиха не произвела никакого впе-

чатления. Умер одноклассник – царство ему небесное. Зачем только было кончать с собой? Не нравится школа – не ходи, все равно выпуск – через какие-то полгода. Зачем же умирать для этого? Я предполагал, что у него был какой-то невроз: целыми днями сплошь разговоры об экзаменах, тут хочешь не хочешь кто-нибудь помешается.

Закончились каникулы, началась учеба, и я заметил, что в классе установилась странная атмосфера. Ко мне все как-то охладели. Что-нибудь спрошу – в ответ получаю нечто вымученно-натянутое или резко-грубое. Сначала я думал, что они просто не в духе или какие-то нервные, и не обращал особого внимания. Однако через пять дней после начала семестра меня в учительскую внезапно вызвал классный и принялся допытываться, правда ли, что я хожу в спортзал.

– Правда.

Никаких школьных правил я тем самым не нарушал.

– Давно занимаешься?

– С четырнадцати лет.

– Правда, что ты в том году ударил Аоки?

– Правда. – Врать я не мог.

– До начала занятий в спортзале или после?

– После. Но тогда я еще ничего не умел. Первые три

месяца мне и перчатки-то не позволяли надевать, – пояснил я. Но учитель даже не слышал:

– А Мацумото ты бил?

Я прямо опешил. Ведь я уже вам говорил, тот был молчаливым малым.

– Какой мне смысл его бить? И зачем? – пытался защищаться я.

– Кто-то в школе регулярно бил Мацумото, – хмуро сказал классный руководитель, – и, по словам его матери, он нередко возвращался домой с синяками на теле и лице. В школе, В ЭТОЙ САМОЙ ШКОЛЕ его кто-то бил и отбирал деньги. Но Мацумото так и не сказал матери имя обидчика. Боялся, что его тогда совсем забьют. Вот и решился на самоубийство. Да, жалко парня. Ни к кому так и не обратился. Видимо, сильно били. Мы сейчас выясняем, кто мог над ним издеваться. Если что-нибудь знаешь, лучше честно признайся. Разберемся по-хорошему. В противном случае, делом займется полиция. Ты это понимаешь?

Так – тут без Аоки не обошлось, дошло до меня. Неплохо он использовал смерть Мацумото. Притом, что несколько не врал. Видимо, откуда-то узнал о моих занятиях боксом. Вот только откуда, ума не приложу. И рассказал о них кому-то незадолго до смерти Мацумото. Дальше – проще простого: остается связать одно с другим, сходить к учителю и рассказать о

моих тренировках, о том, что я его когда-то ударил. Нет сомнений – он представил все в лучшем свете. Наверняка сказал, что я его запугал, избил до крови – оттого он до сих пор и молчал из страха. При этом, с его стороны не было никакой оголтелой лжи, которую можно распознать с первого взгляда. Аоки был крайне осторожен. Он лишь выкрасил голую правду в выгодный для себя цвет, придав ей идеальную воздушную форму. Бесспорно, это его рук дело.

Похоже, учителей переполняли подозрения. Боксеры явно были в их глазах изгоями. К тому же, по своему типу я учителей никак не устраивал. Через три дня меня вызвали в полицию. Нечего и говорить, для меня это стало шоком. Дело было шито белыми нитками, к тому же – против меня никаких улик, одни слухи. Мне сделалось грустно и досадно. Ведь никто не верил ни одному моему слову. Даже справедливые учителя, и те не могли за меня заступиться. В полиции меня подвергли формальному допросу. Я объяснил, что почти не разговаривал с Мацумото. Да, я ударил четыре года назад ученика по имени Аоки, но то была самая обычная драка. И с тех пор между нами не возникало никаких стычек. Вот. Примерно так. Следователь сказал, что, по слухам, бил Мацумото я, и я ответил, что это ложь.

– Кто-то по злобе распространяет эти вздорные

слухи, – только и сказал следователь: на большее у него полномочий не оказалось – доказательств-то никаких, одни предположения.

Весть о вызове в полицию тут же достигла школы – как-то просочилась, несмотря на то, что дело должны были держать в секрете. Во всяком случае, все начали смотреть на меня совершенно иными глазами. "В полицию просто так не вызывают – значит, была причина!" Теперь уже все верили, что избивал Мацумото я.

Я не знаю, в какой форме преподнес это Аоки, что думали по этому поводу в классе, и знать не хочу. Судя по всему, рассказ получился гнусным. Теперь уже со мной не разговаривал никто. Будто все сговорились – чего я тоже не исключаю: никто не говорил мне больше ни слова. Никто не отвечал, когда мне требовалось что-нибудь выяснить. И даже те, с кем я прежде по-товарищески общался, держались от меня подальше. Все сторонились меня, как чумного. Казалось, старались выбросить из головы сам факт моего существования.

И не только ученики. Учителя тоже избегали встреч со мной. Лишь называли мою фамилию на переключке – и все. Хуже всего приходилось на уроках физкультуры. Меня не принимали в команду, никто не хотел заниматься со мной в паре. И преподаватель так ни

разу и не попытался мне хоть как-то помочь. Я молча ходил в школу, молча посещал уроки и так же молча возвращался домой. Это продолжалось день за днем – тяжелые дни, что там говорить. Две недели, три... У меня пропал аппетит. Я похудел, началась бессонница. Прилягу – а сердце так и бьется. То одно, то другое встает перед глазами. Какой тут сон? Откроешь глаза, а голова – пустая. Со временем я даже перестал соображать, сплю сейчас или нет.

Я начал пропускать тренировки. Родители забеспокоились, начали спрашивать, все ли в порядке. Но им я ничего не сказал. "Все нормально. Просто устал немного". Допустим, я им расскажу, но что от этого изменится? Ведь они ничем не смогут мне помочь. В конечном итоге, они так и не узнали, что произошло со мной в школе. Оба были слишком заняты работой и делами своего чада почти не интересовались.

Возвращаясь из школы, я закрывался у себя в комнате и тупо смотрел в потолок. Я не мог ничем заниматься, просто смотрел на потолок и думал о всяких пустяках. Представлял разные сцены. Чаще всего – как я бью Аоки. Подстерег его одного и бью... бью... При этом твержу: "Ты – подонок!" – и продолжаю бить изо всех сил. Он кричит, в слезах просит прощения, а я его бью, бью, пока не превращаю лицо в месиво. Проходит время, и мне становится противно. Снача-

ла никаких угрызений: "Поделом тебе!" – думаю я, и так приятно становится на душе. Но постепенно это настроение улетучивается, а я не могу остановиться и продолжаю мысленно бить Аоки. Смотрю на потолок и вижу там его лицо. Глядь – и уже его бью. Стоит начать, и не могу остановиться. Я мысленно дубасил Аоки, и мне на самом деле становилось плохо и даже несколько раз рвало. Я совершенно не знал, что делать.

Одно время я даже подумывал встать перед всем классом и попытаться доказать, что не совершал ничего постыдного. Если вы считаете, что я сделал то, что заслуживает наказания, предъявите улики. Если доказательств нет, перестаньте так относиться ко мне. Но я чувствовал: допустим, я так сделаю, и все равно никто не поверит. Я не хотел оправдываться перед толпой, что, как стая бакланов, проглотила вранье Аоки. Начни я оправдываться, это послужило бы доказательством моей растерянности. А я ни за что не хотел опускаться до его уровня.

В такой ситуации я не мог ровным счетом ничего: ни бить Аоки, ни винить его, ни даже пытаться кого-то убеждать. Оставалось одно – молчаливо терпеть. Еще полгода. Через полгода закончится школа, и я больше никого из них не увижу. Полгода... Хорошо, если я смогу вынести это молчание. Но уверенности

почти не оставалось. Я даже не знал, хватит ли меня на месяц. Возвращаясь домой, я начерно зарисовывал фломастером каждый прошедший день в календаре. И ловил себя на мысли: "Наконец-то день прошел, наконец-то!" Иногда казалось, что мне крышка. Может, так оно и случилось бы, не встретить я одним прекрасным утром в электричке Аоки. Сейчас, вспоминая об этом, точно могу сказать: нервы мои были уже на пределе...

Из адского положения я смог выбраться спустя месяц после начала всей этой истории. По пути в школу я случайно встретил Аоки в электричке. Вагон, как всегда, был битком – не пошевелиться. Через два или три человека от меня, за чьим-то плечом появилось лицо Аоки. Стояли мы почти друг напротив друга. Он тоже меня заметил. Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза. Моя физиономия в то время, видимо, была ужасной от невроза и недосыпания. Сначала Аоки смотрел на меня леденяще веселыми глазами, словно хотел спросить: "Ну, как?" Я-то знал, что все это от начала до конца подстроил он. И он знал, что я это знаю. Некоторое время мы с ненавистью так и смотрели друг на друга. И постепенно меня охватило странное настроение. Раньше это чувство мне испытывать не приходилось. Несомненно, я был зол на Аоки. Порой ненавидел так, что хотел его убить. Но в

той переполненной электричке у меня появились не злость и ненависть, а что-то близкое к грусти и милосердию. Я размышлял: "Неужели люди, совершив такое, гордятся своими поступками? Неужели этот человек ликует, добившись своего?.. Нет, этому Аоки, пожалуй, ни за что не понять настоящей радости и гордости. Он до самой смерти так и не испытает ту легкую дрожь, что пробирает из самых глубин тела. У некоторых людей глубина напрочь отсутствует". При этом я не считаю, что она есть у меня. Хочу лишь сказать, вся штука в том, осознает ли человек эту самую глубину. Но у них нет даже этого: так, пустая, монотонная жизнь. Только бы привлечь внимание других, пустить пыль в глаза – но за этим ничего не стоит.

Думая обо всем этом, я спокойно и пристально смотрел ему в лицо. И уже не возникало желания его ударить. Он стал мне просто безразличен. Нет, правда, мне самому на удивление полегчало. И я подумал, что должен выдержать эти пять месяцев молчания, и понял, что смогу это сделать. Гордость у меня еще оставалась. Я понимал, что никогда больше не пойду на поводу у людей, вроде Аоки.

Вот такими глазами я смотрел на него. Мы долго вглядывались друг другу в лица, и Аоки понимал, что проиграет, если отведет взгляд. Никто не отрывался до следующей станции. Но в последний момент

Аоки дрогнул. Едва заметно, но я это точно понял: если долго занимаешься боксом, начинаешь улавливать движения глаз противника. Глаза боксера, у которого перестали работать ноги. То есть, сам он пытается ими работать, но они не двигаются. Он думает, что ноги работают по-прежнему, а они уже стоят. Останавливаются они – перестают двигаться плечи, и уже нет мощи для удара. Такие были у Аоки глаза. Странно: он сам не знал причины этого.

Благодаря такому счастливому случаю я воспрянул духом. По ночам стал крепко спать, с аппетитом ел, возобновил тренировки. Я убеждал себя, что не имею права на проигрыш. Не позволю раздавить себя тем, кто меня презирает. Так я выдержал оставшиеся пять месяцев и при этом ни с кем не перемолвился ни словом. Не я ошибаюсь – ошибаются все остальные, успокаивал себя я. Каждый день ходил в школу с высоко поднятой головой, и так же возвращался домой. Окончив школу, я поступил в университет на Кьюсю, предполагая, что уж там ни с кем из бывших одноклассников уже не встречу.

Одзава закончил историю и глубоко вздохнул. Предложил мне выпить еще по чашке кофе. Я отказался. И так уже пил третью.

– Человек, испытавший подобное потрясение, так или иначе меняется, сказал Одзава. – Бывает, что в

лучшую сторону, бывает, и в худшую. Если говорить о хорошем, я стал терпеливым. По сравнению с тем, что мне довелось испытать за те полгода, последующие беды даже бедами назвать нельзя. Мысленно сравнивая с "тем", я преодолевал все горечи и невзгоды. Я стал чутче к боли и страданиям окружающих. Можно сказать, это были плюсы. Я даже смог завести себе несколько настоящих друзей. Но имелись и минусы. С тех пор я не верю людям – правда, нельзя сказать, что я не доверяю всему человечеству. У меня есть и жена и ребенок. Мы в семье защищаем друг друга, а без доверия это невозможно. Но вот что я думаю. Даже в тихой и мирной жизни, приключись завтра какая-нибудь беда, что перевернет все вверх ногами, даже если тебя окружают самая счастливая в мире семья и добрейшие друзья, – совершенно неизвестно, что будет дальше. Однажды ни с того ни с сего люди перестанут верить малейшему моему или вашему слову. Такое происходит внезапно. Совершенно неожиданно и негаданно. Я постоянно об этом думаю. В прошлый раз обошлось полугодом. Случись повторно – никто не скажет, как долго оно будет длиться. И я совершенно не уверен, смогу ли противостоять такому, случись оно опять. От одной только мысли становится страшно. Бывает, просыпаюсь среди ночи, если что-то подобное мне снится. Причем, снится не так-то

и редко! В такие минуты я бужу жену и, крепко обняв ее, плачу. Бывает, по целому часу. Так бывает жутко.

Он умолк и стал разглядывать тучи за окном – за последний час они даже не сдвинулись с места. Башня диспетчерской, самолеты, грузовики, трапы, люди в спецодежде – все поблекли в тени тяжелых туч.

– Я боюсь не Аоки. Таких людей, как он, полно на белом свете, и с этим остается лишь смириться. Встречая их на своем пути, я стараюсь не иметь с ними ничего общего. А попросту – бегу подальше. С ними иначе нельзя. В этом нет никакой хитрости – я их сразу распознаю. Но и способности Аоки нельзя не признавать: не каждый может терпеливо затаиться в ожидании случая, реально использовать шанс, так умело манипулировать сердцами людей. Мне все это до тошноты противно, но я признаю, что это – талант.

На самом деле, страшнее всего толпа, которая за чистую монету принимает ложь таких, как Аоки. Ничего не предлагает, ничего не понимает, лишь повинуется стадному инстинкту и пляшет под дудочку чужих мнений, красиво звучащих и удобоваримых. Они не задумываются ни на йоту о том, что могут в чем-то ошибаться; даже не догадываются, насколько бессмысленно и безвозвратно вредят другим людям. И за свои поступки они не собираются отвечать. Страшнее всего – такие вот люди. Мне снится толпа. Вокруг

сплошное молчание. И у тех, кого я вижу во сне, лиц нет. Лишь молчание наполняет все вокруг своей холодной водой. И все вокруг растворяется в нем. Но как бы я ни кричал, растворяясь в молчании, никто меня не слышит.

При этих словах Одзава покачал головой.

Я ждал продолжения, но рассказ закончился. Одзава сидел молча, скрестив на груди руки.

– Может, еще и рано, но давайте выпьем пива? – предложил он немного погодя.

– Давайте, – поддержал я. Мне действительно очень хотелось пива.

Январь 1991 г.